

В. Г. ЕГОРОВ

48-45

Н. И. Ашмарин

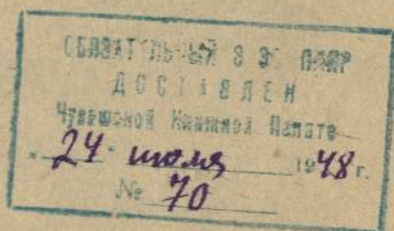
ЧУВАШГОСИЗДАТ — 1948

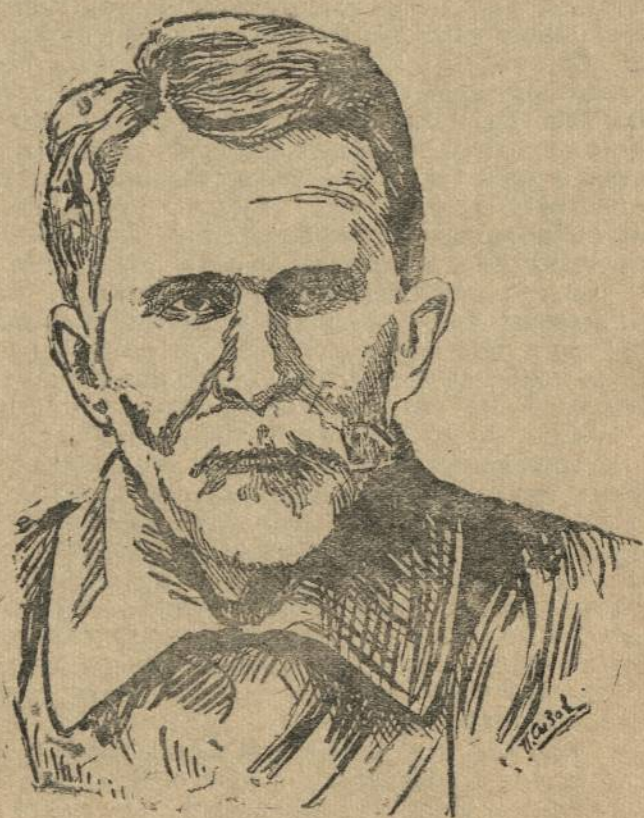
В. Г. ЕГОРОВ

Н. И. АШМАРИН

КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЧУВАШСКОГО
ЯЗЫКА

К 75-летию со дня рождения

Н. И. Ашмарин (1870—1933)

ВВЕДЕНИЕ*

Великий русский народ всегда играл роль народа-руководителя в отношении остальных национальностей нашей страны, он всегда заботился о поднятии их материального и культурного уровня, выдвигал из своей среды более энергичных людей для просветительной работы среди этих национальностей. К числу таких достойных сынов русского народа относится и покойный Николай Иванович Ашмарин, член-корреспондент Академии Наук СССР. Он свое крупное дарование, свои силы всецело посвятил разработке вопросов тюркологии и чувашского языка. Его научные интересы были разносторонни, работы его отличались оригинальностью и содержательностью. Около 40 лет работал он над созданием и развитием чувашского языкознания на строго научных основах. Он дал ряд капитальных трудов и заслуженно может считаться основоположником чувашского научного языкознания.

В истории культурного развития чуваш имя Н. И. Ашмарина справедливо может быть поставлено рядом с именем основоположника чувашской письменности и крупного деятеля по народному образованию чуваш Ивана Яковлевича Яковлева. И. Я. Яковлев в течение более чем полувековой напряженной педагогической и общественной деятельности в основанной им в Симбирске (Ульяновске) учительской школе, подготавливая учителей для чувашских школ и насаждая среди темных тогда чуваш грамотность на родном языке, содействовал „национальному подъему чуваш“ (Ленин)**, точно так же и Н. И. Ашмарин своей многолетней систематической работой над чувашским языком, над его грамматикой значительно способствовал созданию и развитию чувашского литературного языка и введению преподавания его в средних и высших школах Чувашии.

* Доклад, читанный 5 октября 1945 г. на научной сессии Чувашского научно-исследовательского института, посвященной 75-летию со дня рождения проф. Н. И. Ашмарина.

** Ленинский сборник, XXI, стр. 263—264.

I. БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О Н. И. АШМАРИНЕ.

Н. И. Ашмарин родился в г. Ядрине в 1870 году. Дед его, из ярославских офеней, впервые прибыл сюда и открыл торговлю. Отец же вскоре после рождения Николая Ивановича переехал в город Курмыш. К нему по торговым делам ежедневно приезжало много чуваш, и молодой Ашмарин сильно заинтересовался ими, скоро научился чувашскому языку и свободно говорил на нем. По окончании Нижегородской (Горьковской) классической гимназии он поступил в 1891 г. в Московский Лазаревский институт восточных языков. Здесь, слушая лекции по турецкому языку, Н. И. Ашмарин поражался сходством строя турецкого и чувашского языков. И на студенческой же скамье он стал собирать материалы для последующих научных исследований по чувашскому языку.

По окончании Лазаревского института с дипломом первой степени (1894 г.) Н. И. Ашмарин с 1 января 1896 г. поступил наставником в Казанскую, так называемую „инородческую“ учительскую семинарию и преподавал здесь географию вплоть до ликвидации этого учебного заведения в 1919 году. По совместительству работал он в Казани также цензором татарских изданий (с 16 января 1901 г. вплоть до Октябрьской революции). В 1917 г. Н. И. Ашмарин приглашен был во вновь открытый в Казани Северо-восточный археологический и этнографический институт на должность профессора чувашского и татарского языков. В 1920 г. он перешел на работу в Ульяновск в Чувашский практический институт народного образования, а отсюда в 1923 г. переехал в Баку на восточный факультет Азербайджанского университета. Когда же в Казани при Восточно-педагогическом институте организовалось чувашское отделение, Чувашнаркомпрос пригласил его на это отделение в качестве профессора чувашского языка. Там он работал вплоть до закрытия этого отделения (1926—1931 г.г.). Умер он 26 августа 1933 г.

II. НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Н. И. АШМАРИНА.

1. „Очерк народной поэзии у чуваш“.

Н. И. Ашмарин почти все свои силы посвятил разработке чувашского и других тюркских языков. Над чувашским языком он работал около 40 лет и опубликовал

много ценных работ. Он сравнительно рано включился в научную работу. Еще на первом курсе Лазаревского института, узнав от своих профессоров о большом собрании чувашских песен, представленном в Этнографический отдел общества естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете чувашским этнографом И. Н. Юркиным, он с большим интересом знакомится с этим материалом, тщательно изучает его. В результате этого появляется его статья „Очерк народной поэзии у чуваш“, помещенная в журнале „Этнографическое обозрение“ (1892 г., кн. 2—3, стр. 42—64).

В этом очерке Ашмарин верно подметил, что „чувашин весь является в своей песне: местная природа, так гармонирующая с его унылым характером, своеобразные формы общественных отношений, незначительная сфера привязанностей, выработавшаяся под влиянием исторических условий, и несложный кругозор, тонкая наблюдательность, улавливающая все мелочи, выливаются у него иногда в унылой и протяжной, иногда же в живой и дико-веселой песне. Чувашская поэзия представляет чрезвычайное разнообразие в сюжетах. Материал берется отовсюду; самая незначительная, на наш взгляд, даже ничтожная вещь притягивает его внимание и является в его напевах; к самым обыденным явлениям он относится внимательно и повествует о них, как о чем-то таком, что он видит впервые, и что имеет для него весь интерес новизны. В чувашских песнях нет той широты, какая присуща русскому народному творчеству; они заключены в довольно тесный круг местных условий. Ни матушка Волга, ни чистое поле — широкая арена для удалого разгула и вольности — не фигурируют в этих песнях...“

Далее автор рассматривает технику чувашского стихосложения, касается тематики их (бытовые, свадебные и др. песни) и особенностей содержания их. Песни все приводятся в русском переводе. В заключение он приходит к выводу, что „как ни наивна в некоторых отношениях чувашская песня, как ни странна эта узкая изолированность, отсутствие широты, увлечение внешностью, но в общем поэзия чуваш все-таки останется для нас весьма симпатичной по господствующей в ней мягкости тонов, любви к сильному чувству. Чувашин не является в песне исключительно преданным низшим материальным интересам; его самосознание восходит до

истинно гуманных взглядов на жизнь; он уже способен углубиться в себя самого, в свой внутренний мир и рассматривать философски то, что его окружает. Он живёт не только настоящей минутой: неизвестное будущее часто заставляет его призадумываться; его возмущает людская несправедливость...“

2. „Материалы для исследования чувашского языка“.

В указанной выше студенческой работе Ашмарин еще не касается чувашского языка, над ним он начинает серьезно работать на последнем курсе института и по окончании института в Казани. Здесь он весь свой досуг посвящает изучению чувашского языка и собиранию материалов по нему,—и в результате его усиленных исследовательских занятий в 1898 году появляется его капитальный труд под скромным заглавием „Материалы для исследования чувашского языка“ (отдельный оттиск из „Ученых Записок Казанск. Университета“ за 1897 и 1898 гг.). Работа эта представляет систематический курс фонетики и морфологии чувашского языка. Она состоит из четырех отделов: I. Предисловие I—XXXIV; II. Учение о звуках I—112; III. Учение о формах 103—344; IV. Приложение: Говоры Козмодемьянского уезда 344—392.

Первый отдел назван им предисловием, вероятно, по ошибке. По содержанию своему она является не предисловием, а введением. Здесь автор трактует о двух главных диалектах чувашского языка, о количестве чувашского населения, о русском элементе в чувашском языке, о влиянии чувашского языка на соседние языки (марийский и удмуртский), о теории Радлова относительно трех периодов потурчения чуваш и о библиографии вопроса.

ФОНЕТИКА ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА.

Отдел фонетики изложен у Ашмарина, можно сказать, безукоризненно. Крупным достижением его сравнительно с его предшественниками нужно считать фонетически точную передачу чувашских звуков и слов. В этих целях он пользуется и общепринятым Яковлевским алфавитом и собственной фонетической транскрип-

цией. Если до него ни один исследователь чувашского языка—ни Шотт, ни Буденц-Регули, ни Золотницкий, ни Радлов—не мог оперировать чувашским материалом в точной фонетической передаче, то он в этом отношении достиг больших результатов*. Точность обозначения звуков у него не оставляет желать ничего лучшего. Он тонко отличает различные степени палатальности согласных: полное смягчение обозначает принятым в фонетической транскрипции знаком мягкости ('), незначительное смягчение—начертанием буквы данного звука немного ниже строки. Напр: тимёр—железо: верх. тй^мёр, низов. тймёр. В фонетике особенно много места уделяет автор примерам на соответствие чувашских звуков звукам других тюркских языков (61—102 стр.).

МОРФОЛОГИЯ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА.

В отделе „Учение о формах“ Ашмарин подробно рассматривает части речи, т. е. словообразование и словоизменение в чувашском языке. Грамматическая система его представляет собою применение русской грамматической системы к чувашскому языку. При рассмотрении частей речи он учитывает все особенности чувашского языка. Например, излагая о причастиях, он указывает не только причастия, имеющиеся в русском языке (причастие настоящего и прошедшего времени), но и причастия, свойственные исключительно чувашскому и другим тюркским языкам (причастие будущего времени, причастие долженствования, причастие возможности, достаточности и др.). То же самое нужно сказать и о деепричастиях. При изложении как фонетики, так и морфологии Ашмарин принимает во внимание все диалектальные особенности чувашского языка. Вообще грамматическая система его, в которой чувашский язык нашел себе полное грамматическое оформление, с незначительными изменениями остается в силе и до настоящего времени.

* От предшественников Ашмарина и нельзя было ожидать научной точности в обозначении звуков: научно-экспериментальное направление в области фонетики зародилось в Европе только в 70-х годах прошлого столетия в младограмматической школе лингвистов.

При суждении о достоинствах и недостатках „Материалов для исследования чувашского языка“ Ашмарина нужно иметь в виду и все появившиеся до опубликования этого труда учебные пособия по чувашскому языку. Курсы грамматики чувашского языка появлялись и до Ашмарина. Еще в 1769 г. в Москве появилась первая печатная грамматика чувашского языка под довольно странным заглавием „Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка“; в 1836 г. в Казани издана была вторая грамматика чувашского языка „Начертание правил чувашского языка“, в 1862—63 гг. в Будапеште Буденц на основе материалов Регули опубликовал на мадьярском языке третью по времени грамматику чувашского языка (в журнале *Nyelvtudományi Közlemények*). Кроме того, в 1871 г. появились „Заметки для ознакомления с чувашским наречием. Вып. I. Отдел звуковой, сочинение Н. И. Золотницкого“, в 1879 г. опубликовано было сочинение А. И. Добролюбова под редакцией Золотницкого „Ознакомление с фонетикой и формами чувашского языка посредством разбора и перевода оригинальных чувашских статей“ и, наконец, в 1894 г. издана была в Казани четвертая грамматика чувашского языка Н. Лебедева, преподавателя чувашского языка Казанской женской (земской) учительской семинарии, под заглавием „Пособие к изучению чувашского языка. По материалам Н. И. Золотницкого“. В основание этого пособия положен был уже Яковлевский алфавит и низовое наречие*.

Все эти пособия в той или иной степени помогали Н. И. Ашмарину ориентироваться в грамматике чувашского языка, и он частично руководствовался ими**.

* Мы здесь не принимаем во внимание „Сокращенную грамматику чувашского языка“ Левека, появившуюся в 1825 г. в Париже на французском языке (*Lévesque. Grammaire abrégée de la langue des Tchouvaches. Journal Asiatique. Tome VI, 213—224; 267—276*), так как она является не самостоятельной работой автора, а сжатым изложением указанной выше чувашской грамматики 1769 г. с некоторыми замечаниями.

** Н. И. Ашмарин в своей автобиографии сам же признается, что на путь теоретического изучения чувашского языка натолкнули его сочинения Н. И. Золотницкого и книга Добролюбова „Ознакомление с фонетикой и формами чувашского языка“...

Пособия эти, за исключением работ Золотницкого и Буденца, носили элементарный характер и преследовали чисто практические, учебные цели. Кроме того, они написаны были людьми, сравнительно слабо владевшими чувашским языком, допускавшими большие неточности и искажения. Ашмарин отмечает эти ошибки и исправляет их. Сам же он всячески старается избежать ошибок, включает в свою книгу исключительно строго проверенный материал и дает строго проверенные выводы. Научные данные о чувашском языке Ашмарин нашел главным образом в сочинениях Золотницкого, в книге Шотта *De lingua tschuwaschorum**. Книгу Шотта он использовал почти на все 100%. Нередко он выписывает отсюда целые отрывки, не указывая иногда источника. Ср. напр.: „В сравнении с другими тюркскими наречиями чувашский язык представляется далеко отступившим от первоначального типа вследствие всевозможных изменений, многочисленных сокращений и усечений, но некоторые формы этого языка носят как будто более древний характер, чем соответствующие им формы в наречиях тюркских“ („Материалы“, стр. XIX), у Шотта читаем (перевод с латинского): „...Чувашский язык не финского происхождения, скорее он диалект турецкий (тюркский), который вследствие сокращений, усечений и разных звуковых изменений настолько отступил от первоначального типа, что редко представляет слова в их природных, неизменных формах***.

Придать научный характер курсу чувашской грамматики много помогли Ашмарину грамматические пособия по тюркским языкам и лекции по турецкому языкознанию, которые читались в Лазаревском институте такими крупными учеными, как профессор Ф. Е. Корш, большой знаток восточных, классических, славянских и новых европейских языков. У Корша Ашмарин консуль-

* Ашмарин пользовался французским переводом этой книги издания 1876 г., а потому он появление латинского оригинала ошибочно относил к 1860-м годам. На самом же деле последний без указания даты появился в 1841—1842 гг. В *Allgemeines Bücher Lexikon*'е он показан под 1841 г. (см. т. IX, ч. 2, стр. 263. Leipzig. 1849 г.). Сам В. Шотт в других своих работах показывает его под 1842 г.

*** „Linguam tschuwaschicam non esse fennicae originis, sed dialectam turcicam, per contractionis, aphaereses aliasque sonorum mutationis in universam adeo deformatam, ut genuinas ac integras vocum formas raro exhibeat (p. 4).

тировался часто по разным вопросам чувашского языкознания и позднее за это выразил ему свою теплую признательность в латинском предисловии к первому выпуску словаря (см. ниже).

Много выиграли в научном отношении „Материалы для изучения чувашского языка“ Ашмарина и благодаря тому, что их редактировал известный тюрколог проф. Н. Ф. Катанов, который, помимо того, что давал автору ценные указания по разным вопросам тюркского языкознания, чуть не каждую страницу этой книги снабдил ценными примечаниями от редакции, в которых он указывает соответствующие чувашским словам и грамматическим формам слова и формы из других тюркских языков. Этому же редактору он обязан был и широким знакомством с литературой предмета (см. предисловие, стр. XXXI).

Благодаря всему этому появление рассматриваемой книги Ашмарина в свое время явилось крупным событием в истории чувашского языкознания, и вплоть до самой революции книга эта оставалась самым лучшим и единственным научным пособием по изучению чувашского языка.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О „МАТЕРИАЛАХ“ Н. И. АШМАРИНА.

В настоящее время, с появлением как у нас в Союзе, так и за границей целого ряда исследовательских работ по чувашскому языку, по тюркским и финно-угорским языкам, рассматриваемая книга Ашмарина несколько устарела, в ней теперь можно найти некоторые неточности. Например, в предисловии (VIII—XVIII стр.) мы видим не критическое отношение автора к словам, общим чувашскому и марийскому языкам. Все слова, которые по своему звуковому составу и значению напоминали ему чувашские слова, он безоговорочно относил к словам, заимствованным марийцами от чуваш. Между тем в числе этих слов, без сомнения, имеются и такие, которые марийцы могли заимствовать не от чуваш, а непосредственно от казанских татар, и такие, которые сами чуваша заимствовали от марийцев. Например: кăткă — муравей, кăшăл — обруч, нӱр — сырость, влага, пӱрт — изба, сӱсмен — хомут, турпас — щепка и др*.

* M. Räsänen. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. XLVIII, 7—8. 1920.

В отделе фонетики, трактуя о природе и происхождении чувашских гласных, Ашмарин под влиянием господствующего в чувашской письменности низового диалекта предполагает, что верховое „о“ произошло из низового „у“. „Если звук „у“, — пишет он, — не стоит на конце слова и не может стоять на нем, то в этом случае верховые чуваша обыкновенно заменяют его звуком „о“. Например: низ. шурă, пушăт, кушак, верх.: шорă, пошăт, кошак“ и т. д. (стр. 5). Такое утверждение автора явно противоречит исторической последовательности изменения звуков в тюркских, а равно и в чувашском языках, где звук „у“ начального слога слова развился позднее из первоначального „о“ (см. об этом подробнее в нашей работе „Введение в изучение чувашского языка“, стр. 98—105).

Далее в том же отделе („Учение о звуках“) Ашмарин касается вопроса о законе гармонии гласных и указывает особенности проявления его в чувашском языке. Для объяснения же природы и происхождения этого своеобразного фонетического явления он тщательно выписывает две полных страницы немецкого текста из книги Ридля *Magyarische Grammatik* издания 1858 г. („Материалы“, стр. 24—26). Средний читатель-чувашин, не вполне овладевший немецким языком, с недоумением будет спрашивать себя, в чем же, однако, заключается теория Ридля о законе гармонии гласных, не существует ли других теорий о нем более позднейших авторов,* почему автор не дал русского перевода.

Часто употребляемый Ашмариным термин „йотированный л“ (в слове шалса), „йотированный н (мăкăнь)*, „йотированный р“ (стр. 14—15) нужно признать неудачным. В данном случае мы имеем дело просто с палатализованными л, н, р.

Утверждение автора, что в чувашском низовом наречии звук „ч“ произносится как мягкое „ц“ (стр. 14, 15) также не соответствует действительности. Чувашское „ч“, как верховое, так и низовое, в противоположность рус-

* Подробнее о взглядах Ридля, его предшественников и последующих ученых о законе гармонии гласных см. в нашей работе „Закон гармонии гласных в чув. яз.“, Научно-педагогический сборник Казанского Восточно-педагогического института вып. IV, стр. 33—63, 1928 г.

скому альвеолярному „ч“, является [одинаково зазубным, с тем только отличием, что при верховом „ч“ кончик языка несколько дальше отходит от зубов, а при низовом он остается очень близко к зубам, от чего получается звук, сильно напоминающий мягкое „т“. По этой причине при первоначальном составлении чувашского алфавита Яковлев обозначил его буквой т с хвостиком, в каковом виде буква эта просуществовала вплоть до 1933 года. Отмеченное автором фонетическое явление (произношение ч как ц) имеет место только в индивидуальном произношении и в отдельных говорах небольшого района распространения.

Некоторые погрешности имеются у Ашмарина и в области морфологии. Наиболее крупным недочетом нужно считать то, что автор при изложении этого самого ответственного раздела курса совершенно упустил из виду винительный неопределенный падеж, вернее, неопределенный (основной) падеж, обозначающий прямой объект и выражающийся чистой основой имени без аффикса. Автор имел дело только с одним видом винительного падежа — винительным определенным, сходным с дательным падежом. О существовании же другого, безаффиксного вида, он и не подозревал в то время, когда писал „Материалы“... Только уже позднее, когда обрабатывал свой „Опыт исследования чувашского синтаксиса“ (1903 г.), он обнаружил свою ошибку и стал различать две формы винительного падежа*.

Другим недосмотром автора является отнесение им слов *пек* — как, подобно и *ашкал* — подобно к частицам (стр. 239 — 240; Синтаксис, стр. 434—495; 500—504). Как известно, частицы не могут управлять падежом, тогда как слова „пек“ и „ашкал“ — управляют род. п. местоимений: *ман пек, манашкал; сан пек, санашкал; ун пек, унашкал, сакан пек, сакнашкал* и т. д. Кроме того, слова эти могут принимать несвойственные частицам притяжательные аффиксы третьего лица: *ман пекки, ман пеккисем, манашкалли, манашкаллисем* и т. д. По всем этим данным слова эти целе-

* На наш взгляд, тут нет ошибки: „падежи“ винительный неопределенный (хула курса суренё), родительный неопределенный (хула илемё) и дательный неопределенный (хула кайнă), как не имеющие своей особой формы, целесообразно рассматривать именно в синтаксисе, а не в морфологии. Прим. ред.

сообразнее причислить к послелогам, функционирующим в иных случаях в качестве прилагательных и существительных.

Несколько спорными являются также предложенные Ашмариным этимологии ряда чувашских слов. Например, о слове „сёлёк“ Ашмарин пишет так: „сёлёк“ — шапка может быть вместо *силек* от *си* — верх* (стр. 107). Эта же этимология предлагалась много раньше Ашмарина Н. И. Золотницким (Корневой чувашско-русский словарь. 1875, стр. 240). Сомнительность ее видна из того, что в соответствующем ему в тюркских языках слове *йелек*, чاغ. йӓлӓк — род шапки, надеваемой царями (Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. т. III. стр. 348) первая часть сложения *йӓ* или *йе* не имеет значения верха.

Об этимологии слова *арӓм* — женщина Ашмарин пишет: „Не происходит ли это слово от арабского *harim* — женщины гарема? (Долгое арабское *и* могло перейти здесь в *ӓ* точно так же, как долгое *у* в слове *papius* переходит у чуваш в *ӓ*: *намӓс* (стыд)“ (стр. 141). Нам кажется более естественным видеть здесь сложное слово *ар* + *ами* — мать мужчины, мать мужа (*vir*), мать героя. В подтверждение этого мы можем привести некоторые данные из чувашской мифологии, где наряду с самими божествами неизменно выступают и матери их: *мӓн турӓ* — верховный бог, *мӓн турӓ амӓшӗ* — мать его, *кӗпе* и *кӗпе амӓшӗ*, *пӗлӗхсӗ* и *пӗлӗхсӗ амӓшӗ*, *ырӓ* и *ырӓ амӓшӗ* и т. д. Возможно, что слово это возникло еще в период матриархата, когда женщины занимали почётное положение в обществе. Истинная этимология этого слова остается пока невыясненной.

Далее, чувашское слово „шурӓмпущ“, „сӗрӓмпущ“, по мнению Ашмарина, произошло от слов *сӗрӓм* — расщелина и *пущ* — голова, собственно начало расщелины (стр. 113). Нам кажется более приемлемой другая этимология, по которой это слово производят от глагола *сӗр* — светить, излучать свет (тюрк. *йар*, *йары*, *йару*) и *пущ* — голова, начало, отсюда *сӗрӓмпущ* — начало света, начало утра. Корень *сӗр* в настоящее время сохранился только в слове *сӗрта* — свеча (первоначально, возможно, оно имело значение света)*; Ср. куманд. *тан ярып кӓлди* — утренняя заря показалась; ** буквально заря освещающая пришла — *шурӓмпущ сӗтӓлса килчӗ*.

*B. Munkácsi. Hajnal hasad. Keleti szemle II, 239—240. 1901.

**B. Радлов. Опыт словаря тюрк. нареч. III, 120.

На эти недочеты мы указываем для того, чтобы предупредить наших студентов и учителей, что в настоящее время нельзя догматически, без критики усваивать все положения и выводы Н. И. Ашмарина, что некоторые из его выводов нуждаются в значительных коррективах, так как наука не стоит на месте, а идет вперед.

Н. И. АШМАРИН КАК ДИАЛЕКТОЛОГ.

В приложении к книге „Материалы для исследования чувашского языка“ Ашмарин дает описание говоров 7—8 селений Козмодемьянского уезда (ныне Сундырского района) в пограничных с черемисами (марийцами) районах. Это говоры селений Малого и Большого Карачкина, Больших и Малых Бурнаш, Верхних Олгашей, Тептей, Ирзей, Мижар и др. Происхождение этих очеремисившихся говоров автор объясняет следующим образом: „Значительное изменение языка на этих чувашских окраинах произошло, конечно, не столько от постоянных взаимных отношений двух народностей, сколько от смешанных браков, которые составляют у чуваш и черемис обычное явление. В селе Малом Карачкине почти в каждой семье есть женщины, взятые из черемис. Эти черемиски, вышедшие замуж в чувашскую деревню, обыкновенно никогда не овладевают вполне чувашской речью, и таким образом их неправильный, смешанный язык переходит и к их детям“ (стр. 345).

Далее автор отмечает ряд фонетических и некоторых морфологических особенностей этих говоров и тем заканчивает свое описание. Он не касается ни лексики, ни синтаксиса этих говоров, не дает также никаких образцов связной речи по этим говорам. Вообще настоящее описание говоров у Ашмарина носит какой-то отрывочный, незаконченный характер, оно не дает читателю полной, целостной картины развития рассматриваемых диалектов. Если к данному очерку подойти с точки зрения тех требований, какие выставил Энгельс в своем исследовании „О франкском диалекте“ (иначе мы и не можем поступить), то он не выдерживает критики. Надлежащее изучение диалектов возможно только на исторической основе, оно должно быть глубоким, всесторонним, включать в себя не только явления фонетики и морфологии, но и синтаксиса и лексики, как это делает Энгельс. Последний учитывает всю совокупность

признаков каждого диалекта и исторические предпосылки его развития, начиная со стадии племенных говоров через все последующие переоформления...

Однако, неполноту характеристики указанных говоров мы не можем поставить автору в вину. „Говоры Козмодемьянского уезда“ не являются у Ашмарина отдельной, самостоятельной монографией, а входят в состав его „Материалов“, где он трактует о фонетике и морфологии чувашского языка. Повидимому, автор, включая их сюда в качестве приложения, хотел только показать, насколько далеко отступают описываемые говоры в области фонетики и морфологии от общих норм чувашского литературного языка. И это ему вполне удалось. Н. И. Ашмарин много занимался живыми современными говорами чувашского языка и накопил большой материал, но не успел окончательно обработать его и издать. В своих трудах он освещает чувашский язык во всем его диалектическом разнообразии.

Таким образом, в „Материалах для исследования чувашского языка“, в этом, можно сказать, почти юношеском труде (тогда Н. И. Ашмарину было 26—27 лет) сказан весь Ашмарин с лучшими задатками учёного. Здесь он затронул и превосходно осветил почти все главные отрасли чувашского языкознания: и фонетику, и морфологию, и диалектологию, и этимологию. И эта работа, несмотря на некоторые отмеченные выше неточности, была для своего времени большим достижением. В ней чуваша приобрели себе первую, наиболее совершенную научную грамматику своего языка. Прекрасно оценил значение этого труда Ашмарина крупный дореволюционный деятель по народному образованию чуваш И. Я. Яковлев. Как только получил он от автора эту книгу, принес ее к нам, воспитанникам старшего класса Симбирской учительской школы, на очередной урок педагогики и сказал: „Смотрите, вот какой крупный и ценный подарок сделал нам, чувашам, русский ученый!“ Далее он в немногих словах охарактеризовал личность Н. И. Ашмарина и дал высокую положительную оценку этому труду его.

3. „Опыт исследования чувашского синтаксиса“.

Продолжением „Материалов для исследования чувашского языка“ Ашмарина служит его „Опыт исследования чувашского синтаксиса“, первая часть которого появилась в Казани в 1903 г., XII. 570 стр., а вторая часть —

в Ульяновске в 1923 г., 276 стр. IV*. Третья часть синтаксиса осталась в рукописи в необработанном виде. В первой части содержится: общие замечания о строении и составе предложения (стр. 1—49), употребление множественного числа (стр. 50—87), главные случаи употребления падежей (стр. 90—378), определительные предложения (стр. 378—470), предложения-имена (стр. 470—547). Во второй части: употребление деепричастий (стр. 1—40), о вспомогательных глаголах (стр. 40—108), условные предложения (стр. 108—128), употребление супинов (стр. 128—143), окончательные формы глаголов (стр. 143—237), употребление глагольных форм с частицами (стр. 237—241), особые случаи употребления причастий (стр. 241—267), отглагольные имена на -у, -ў (стр. 267), примечания (стр. 268—276).

Если в области разработки фонетики и морфологии чувашского языка у Ашмарина все же были предшественники (Шотт, Золотницкий, Буденц и др.), наследством коих он в той или иной мере воспользовался, то в области синтаксиса он не имел предшественников, и научной разработкой чувашского синтаксиса мы всецело обязаны ему одному. Из существовавших в то время курсов синтаксиса по тюркским языкам („Грамматика алтайского языка“. Казань. 1869 г., „Опыт исследования урянхайского языка“ Н. Ф. Катанова. СПб 1903** и „Краткой грамматики киргиз-казахского языка“ П. Мелиоранского 1894—1897 гг. и др.) и из институтских лекций по турецкому синтаксису он мог почерпнуть только общие указания, общие схемы построения синтаксиса. Над всеми же особенностями чувашского синтаксиса и подбором соответствующего текстового материала приходилось упорно работать ему самому. Н. И. Ашмарин вполне справился с этой работой. Синтаксис его производит впечатление глубоко и всесторонне продуманного труда.

* Появление второй части „Синтаксиса“ в свет частично обязано пишущему эти строки. Я упросил членов Чувашсоюза, где брат мой был тогда председателем, издать его за счет Союза. Симбирская типография ежемесячно осаждала Чувашсоюз телеграммами стереотипного содержания: „Ввиду вздорожания цен на рынке типография повышает цены на 30 или 40% против договора, в противном случае прекращает дальнейший набор „Синтаксиса“ Ашмарина“. Чувашсоюз ответными телеграммами о согласии довел печатание до конца и всю продукцию сдал потом Чувашнаркомпроу.

** Отдельный отгиск из „Ученых Записок Казанского Университета“ за 1899—1903 гг.

Многие разделы его отличаются необычайным богатством содержания, разнообразием творческой мысли и глубиной анализа. Местами автор очень тонко подмечает прямо неуловимые оттенки смысла, скрывающиеся в некоторых однородных формах. Он вскрывает такие тонкости в языке, которые даже природному чувашину не всегда доступны. Например: „чѣпсене аставах тӑрать“ и „чѣпсене астусах тӑрать“ (II. ч., стр. 8). В первом случае смысл тот, что он время от времени смотрит за цыплятами, посматривает за ними, а во втором случае он смотрит, наблюдает за ними все время, не спуская глаз. При изложении каждого синтаксического явления или правила автор иллюстрирует его большим количеством примеров.

При составлении чувашского синтаксиса Ашмарину приходилось преодолевать большие трудности. Он часто наталкивался на факты языка, не укладывающиеся всецело в обычные рамки синтаксиса европейских языков. Например, весьма часто встречаются здесь своеобразные причастные обороты, имеющие в отличие от русских и свое подлежащее и по значению соответствующие придаточным предложениям. С одной стороны, они напоминают предложение, а с другой — составное имя. После некоторых затруднений и колебаний Ашмарин нашел им наименование — „предложение-имя“. „Под предложениями-именами, — пишет он, — я разумею в чувашском языке те предложения, которые, теряя свою самостоятельность, входят в состав другого предложения как один из составляющих его элементов. В чувашском языке подобные предложения конструируются следующим образом: сказуемое самостоятельного предложения заменяется причастием, а это последнее принимает суффикс притяжательный 3-го лица. Так, например, из самостоятельных предложений: *сумӑр сӑвать* — идет дождь, *сумӑр сурӗ* (*сунӑ*) — шел дождь, *сумӑр сӑвӗ* — пойдет дождь — получим следующие предложения-имена: *сумӑр сун* — то, что идет (шел) дождь (ирхине *сумӑр сун* халӗ те палӑ — до сих пор заметно, что утром шел дождь), *сумӑр сӑвасси* — то, что пойдет дождь“ (II, стр. 470—471) и т. д.

Необходимо, однако, заметить, что синтаксис Ашмарина носит статический характер. Он описывает синтаксические явления чувашского языка не в историческом разрезе, а в современном состоянии. Здесь он совершенно не касается вопросов исторической последовательности

развития структуры и типов чувашского предложения и других синтаксических явлений.

В „Опыте исследования чувашского синтаксиса“ у Ашмарина можно заметить некоторые промахи технического характера. В нем (во II части) несколько страдает четкость и плановость расположения материала. Например, во II-ой части синтаксиса в двух разделах излагает он о вспомогательных глаголах. В первом разделе „О вспомогательных глаголах“ перечисляет только вспомогательные глаголы (стр. 40—51), во втором разделе „Примеры на вспомогательные глаголы“ дает уже одни примеры, не указывая самих глаголов, и примеры эти занимают целых 58 страниц (стр. 51—108), что представляет большое неудобство для читателей.

Далее, автор на протяжении двух частей курса ничего не говорит ни о сложно-сочиненных, ни о сложно-подчиненных, ни о придаточных предложениях. Но прямо, вне связи с предыдущим (Употребление падежей) в первой части дает „Определительные предложения“ (378—470), начиная этот раздел так: „Общая форма построения определительных предложений в чувашском языке следующая: русское относительное предложение опускается, а глагол вместо окончательной формы полагается в причастии; определительные предложения ставятся перед тем именем, которое они определяют“. Затем следуют примеры. Точно так же и во второй части синтаксиса без связи с предыдущим (О вспомогательных глаголах) и с последующим (Употребление супинов) помещает „Условные предложения“ и совершенно умалчивает о том, существуют ли в чувашском языке другие виды придаточных предложений, какие из них свойственны чувашскому языку, какие нет и какие из них только зарождаются.

Два рассмотренных главных труда Н. И. Ашмарина „Материалы для исследования чувашского языка“ и „Опыт исследования чувашского синтаксиса“ имеют первостепенное научное значение, но ими далеко не исчерпывается его научная деятельность. Он столь же продуктивно продолжал работать и по изданию этих трудов.

4. „Словарь чувашского языка“.

Не менее велико значение проф. Н. И. Ашмарина и в области чувашской лексикографии. Бессмертной его заслугой перед чувашским языкознанием является, бес-

спорно, его классический труд—много томный „Словарь чувашского языка“. Было время и не так уж давно, когда этнографы, публицисты и, отчасти, лингвисты, как свои, так и западно-европейские, с легкой руки писательницы А. Фукс, все в один голос стереотипно повторяли, что „чувашский язык очень беден, что в словаре его содержится всего только 1646 слов“*. Теперь это время прошло безвозвратно. Н. И. Ашмарину в своем монументальном 17-томном словаре удалось зафиксировать не менее 40.000 слов. Над чувашским словарем Ашмарин работал свыше 30 лет. Приступая к составлению словаря, он предварительно в 1900 г. опубликовал и разослал „Программу для составления чувашского словаря“. Казань. 6 стр.**. В ней он просит чувашскую интеллигенцию оказать ему содействие в собирании необходимых материалов, касающихся языка, быта, нравов, обычаев и мифологии чуваш.

До революции дело с изданием чувашского словаря обстояло, однако, очень плохо. Только благодаря содействию упомянутого выше проф. Казанского Университета Н. Ф. Катанова, который состоял председателем Переводческой комиссии при Казанском учебном округе, на средства этой комиссии удалось выпустить в свет две первых книжки словаря на букву „а“: 1 в. *а—алӑк*. 1910; II в. *алӑк—апӑрт*. 1912.

Словарь имеет заглавие на трех языках—чувашском, русском и латинском: Чӑваш сӑмахӑсен кӑнеки. Словарь чувашского языка. Thesaurus linguae Tschuwaschorum (сокровище языка чуваш).

В предисловии к словарю, написанном на латинском языке, о своем отношении к словарной работе и об особенностях своего словаря Ашмарин пишет следующее: „Я сделал все, чтобы не только собрать отовсюду возможно больше материалов, необходимых для истолкования чувашских слов, не только тщательнейшим образом исследовать значения отдельных слов, но также изобразить самую жизнь и обычаи народа, при чем не одной определенной местности, а многих местностей, поскольку это кажется неизбежным для правильного понимания его речи, ибо язык каждого в отдельности народа теснейшим

* Заметки о чувашах и черемисах, Казань. 1840 г. стр. 133.

** Отдельный оттиск из XVI т. „Известий общества археологии, истории и этнографии“, стр. 243—248.

образом связан со всеми его обычаями и установлениями". Далее он здесь выражает глубокую благодарность своему учителю „высокоученнейшему мужу, члену Академии Наук Федору Коршу, который, несмотря на сильную загруженность работой, не отказывался просматривать тщательнейшим образом корректурные листы словаря и, где это было нужно, сопоставлять факты чувашского языка с соответствующими фактами других языков, а также иногда указывать и происхождение чувашских слов, что автором не было предусмотрено"... Не забывает он здесь поблагодарить И. Я. Яковлева, который систематически снабжал автора не только печатными чувашскими изданиями, но и рукописными сборниками с произведениями народного творчества, „которых,—прибавляет автор,—теперь нигде нельзя уже найти, ибо все уничтожается забвением" (...omnia delente oblivione).

После выпуска двух книжек Переводческая Комиссия отказалась от дальнейшего издания словаря. Перерыв продолжался целых пятнадцать лет. Только в 1927 г. возобновилось издание. Первый выпуск нового издания словаря представляет перепечатку прежних двух книжек с добавлением 55 страниц нового материала. В первых двух выпусках словаря чувашский текст сопровождался как русским, так и латинским переводом. В 3-м выпуске латинская часть уже выпущена, значительно сокращен и русский текст. Последний оставлен только для перевода основных чувашских слов, вся же фразеология оставлена без перевода. В настоящее время отпечатано 16 выпусков, 17-й (последний) в производстве. Каждый выпуск печатается в объеме не менее 20 печ. листов.

Словарь Ашмарина, широко задуманный автором и подготовленный в течение более 30 лет, содержит богатейший лексический материал по чувашскому языку, по всем его диалектам и говорам. Кроме обычных слов, сюда вошли слова детские, подражательные, которыми вообще богат чувашский язык, названия селений, урочищ, рек, озер, лесов, полей, личные имена, в особенности старые языческие имена чуваш. Почти все слова сопровождаются обширной фразеологией, позволяющей уловить малейшие оттенки значения каждого слова. При некоторых словах приводятся пространные описания, характеризующие старый чувашский быт, предметы быта, мифологию и предания чуваш, являющиеся ценными источниками для изучения истории языка, культуры и

быта чуваш (см. слова автан сәри, ака, анатри чăваш, арман, уйăх, йат, кантăр и др.). Например, словарная статья „арман“ занимает целых 60 стр. (II, 6—66), в ней мы находим подробнейшее описание мельниц — водяной и ветряной, свыше 500 названий его частей и 13 рисунков. Словарь Ашмарина до некоторой степени можно назвать энциклопедией чувашского быта, различные стороны которого рассматриваются здесь с достаточной полнотой на основании изучения обильного рукописного и печатного материала и собственных наблюдений автора. Поистине словарь этот составляет thesaurus linguae tschuwaschorum!

Высокое научное значение словаря Ашмарина неоспоримо. В предисловии к VI (первому посмертному) выпуску мы читаем: „Издание (Чувашским) Научно-Исследовательским Институтом многотомного словаря доктора туркологии Н. И. Ашмарина диктовалось тем, что названный труд представляет собою богатейшее собрание памятников чувашского языка, фольклора и этнографии... В научных целях необходимо было это культурное наследие, оставшееся нам от прежних лет, запечатлеть письменно и создать таким образом монументальный памятник, могущий служить основным источником в деле научного изучения чувашского языка.“* Подтверждает это и член-корреспондент Академии Наук С. Е. Малов в своей статье „Памяти Н. И. Ашмарина“. Он здесь прямо заявляет, что „чувашский народ может считать себя счастливым, что имеет такой ценный словарь“**, и далее он особенно подчеркивает, что „чувашские слова Н. И. Ашмариным брались как из живой речи и из области домашнего обихода, так и из народного фольклора, в последнем случае нередко из области шаманских легенд, сказаний и молитв, т. е. из той области, которая безвозвратно уже ушла в область прошлого и сохранена для науки нашим автором.“***

И действительно, в Советском Союзе еще немногие народности имеют такие полные и в научном отношении строго выдержанные словари, как „Словарь чувашского языка“ Ашмарина. Только словарь якутского языка Э. К. Пекарского (Ленинград 1907—1936) и „Опыт сло-

* Предисловие это написано было тремя сотрудниками Института: редактором, А. С. Львовым и пишущим эти строки.

** Записки Чувашского Н. И. И. языка, литерат. и ист. Вып. I, стр. 136. 1941.

*** Там же, стр. 138.

варя тюркских наречий“ В. В. Радлова (СПБ. 1888—1911) могут идти в сравнение с ним. Поэтому появление этого словаря как у нас в Союзе, так и за границей встречено было весьма сочувственно и с большим интересом. Все ученые единогласно признают его „выдающимся явлением в области словарной работы, выдающимся памятником науки“ (академики И. И. Мещанинов и Ю. И. Крачковский в своих письмах в Чувашский научно-исследовательский Институт).

В Западной Европе первая же книжка первого издания словаря Ашмарина сразу обратила на себя внимание французского журнала *Bulletin de la société de linguistique de Paris*. В нем в 1911 г. лингвист Р. Готье (Nathliot) в очень теплых выражениях приветствует появление словаря, попутно упоминает и прежние труды Ашмарина: „Материалы для исследования чувашского языка“ и „Болгары и чуваш“. Готье отмечает полноту словаря, точность передачи значения слов, а также основательное знание автором языка и быта чуваш. В доказательство он ссылается на словарную статью „ака“, где автор дает подробное описание старинного плуга чуваш, до 50 названий его частей и 4 рисунка (т. XVII, 152—154. №59).

В XXIV томе финского журнала *Finnisch-Ougriscbe Forschungen* (1937 г. 45—54) Рясенен выражает большую радость по поводу того, что прежнее, сильно огорчившее известие из России о прекращении издания чувашского словаря Ашмарина за смертью автора оказалось ложным и что теперь получен словарь по IX вып. включительно. Далее отмечается большое значение словаря Ашмарина как для тюркского, так и для финно-угорского языкознания. Чувашский язык, с одной стороны, как представитель болгарско-тюркской языковой группы, сохранил много древних особенностей языка, а с другой, финно-угорские языки на Волге исторически испытали на себе сильное культурное влияние его и т. д. Указываются также и некоторые недочеты технического характера (см. ниже).

В настоящее время тюркологи в своих научных изысканиях пользуются почти исключительно словарем Ашмарина и отчасти Паасонена.* См. например, последнюю работу Grönbech'a „*Der türkische Sprachbau*. I. 1936.

* Н. Паасонен. *Csuvas szójegyzek*. 1908. Этот словарь использован Ашмариным на все 100%.

Но наряду с крупными достоинствами словаря нужно отметить и некоторые недочеты его. Прежде всего словарь этот не отражает тех социально-политических, хозяйственно-экономических и культурных сдвигов, которые произошли в Чувашии в результате Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства. В словаре очень слабо представлен современный (пореволюционный) чувашский язык, и словарь этот в основном представляет собою памятник старого, дореволюционного чувашского языка. Но ставить это автору в вину не приходится: основную часть своей работы по составлению словаря он проделал до революции, после революции же включил в словарь только некоторые самые ходкие слова, как колхоз, коммунист, комиссар, конституци, район, электричество и др., но нет в нем таких слов, как *колхозник, колхозница, коммунистка, республика, совет, социализм, совнарком, райисполком* и др.

Словарь чрезмерно насыщен фразеологией, которую в иных случаях свободно можно было сократить на 50% и даже более. Нередко для подкрепления определенного значения слова приводится до 20—30 примеров, совершенно однородных, не содержащих никакого нового оттенка значения. К отрицательным сторонам словаря нужно отнести также наличие в нем нескольких нецензурных слов, которые даны автором в латинской транскрипции. Начиная с VI выпуска, нецензурные слова систематически исключались.

В словаре имеются недочеты и чисто технического характера, заключающиеся в типографском оформлении его. Порядок расположения слов в словаре—алфавитно-групповой, заключающийся в том, что коренное и производные от него слова, а также слова, образующие с данным словом слитные речения, иногда в количестве до 50 (см. *ака*) и даже до 500 (см. *арман*), расположены одно за другим—сначала в алфавитном порядке первых слов, служащих определением к стоящему за ним основному слову и показывающих различные виды данного предмета, а затем в алфавитном порядке вторых слов, стоящих после основного слова и показывающих различные части предмета или различные действия, свя-

занные с предметом, обозначенным основным словом, и словообразовательных аффиксов, прибавляемых к основному слову. Такое расположение слов, а также то обстоятельство, что в первых выпусках вся эта группа слов набрана одним и тем же шрифтом, сильно затрудняет нахождение нужных слов. Например, в группе слова „кайӑк“ имеем:

кайӑк—дикое животное; дикая птица; дичь, дикий (даётся до 30 примеров),

усал кайӑк—зверь. Сред. Юм.

вёсен кайӑк—птица (говорится только о неприрученных птицах). СТИК.

вёсен кайӑк-кёшёк—дикие птицы. Н. Вёсен кайӑк-кёшёке пётерни.

сунатля кайӑк—птица.

тискер кайӑк—дикий зверь. К.-Кушки.

хура кайӑк—черный дятел? (птица). Н. Хура вӑрман синче хура кайӑк.

кайӑка сӑре—ходить на охоту

кайӑка сӑрекён—охотник. П. У.

кайӑкӑс—охотник. Бгтр.

Кайӑкёс—охотник. Н. Ватӑ кайӑкёс пӑшалне пӑртре те тӑратса сӑрет. (Кушак).

Кайӑк купӑсти—назв. раст. Рак., Кайсар. N 44. Тилё кёпси.

Кайӑк кусси,—косси, токование. Чертаг. Кайӑк косси—кайӑksam похӑнассё, чупассё. Шест. Чертаг. СПВВ. МС. Кайӑк кусси пӑрт тӑпине тӑрах хурассё.

Кайӑк-кӑвакал, — кӑвакалӑ, — кӑвакал, дикая утка. И только через 30 слов и речений автор как будто возвращается к настоящему алфавиту: Кайӑксар-Шуршу, кайӑм и т. д. Но и здесь при внимательном рассмотрении обнаруживается технический недосмотр: слова Кайӑксар и Кайӑксар-Шуршу попали не в своё место, они должны были стоять на 15 слов выше—между „кайӑка сӑре“ и „кайӑк сысна“. В словарной же статье „арман“ прорыв алфавита тянется на целых 60 стр.: с 6 стр. до 66 стр. идут слова и предложения, связанные с основным словом „арман“.

Затрудняет пользование словарем также принятый автором своеобразный алфавит, значительно отступающий от общепринятого. У него сначала идут гласные буквы: а, е, ы, и, у (о), ӱ (е), ӓ, ё, а затем согласные в

следующем порядке: й, в, к, л, ль, м, н, нь, п, р, с, с', т, ть, ч, ф, х, ш.* Помимо этого в изданных 16 томах все еще нет объяснения ни системы размещения слов по корням, ни разных сокращений и условных знаков, весьма многочисленных. Все эти необъясненные инициалы и непонятные условные знаки, как Н. Б. БАБ. АС. НИП. КС. Ала. Чек. Сир. и пр. и пр. пестрят на каждой странице словаря и несколько снижают его научную ценность. На перечисленные недочеты технического характера указывают также и упомянутые выше иностранные лингвисты Готье и Рясенен, давшие, в общем, словарю высокую положительную оценку.

5. Труды по чувашской мимологии.

Много работал Николай Иванович также в области чувашской мимологии или подражательных слов. Сюда относятся следующие его работы: 1) Основы чувашской мимологии (О подражательных словах в чувашском языке). Казань. 1918. 10 стр.; 2) Подражание в языках Средн. Поволжья. „Известия Азербайджанского Университета“. 1925 г. Общественные науки II—III, 143—158; IV, 75—99; 3) Немецкое Schlangе в свете урало-алтайских подражательных образований. Научно-педагогический сборник Казанского Восточно-Педагогического Института. IV, 24—32. 1928; 4) К вопросу о происхождении латинского названия свинца (мимологический этюд). Научно-педагогический сборник Каз. Вост.-Педаг. Ин-та. V, 56—66. 1930; 5) О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. Казань. 1928. 169 стр.

Профессор Ашмарин первый из тюркологов принял исследовательскую работу в этой совершенно незатронутой до него учеными области. Он первый установил генетическую классификацию подражаний и вообще мимологическую терминологию. Например, в последней работе „О морфологических категориях подражаний“ им подвергнуто анализу 115 основных категорий подражаний, каждая из коих выражена соответствующей формулой.

Научные разыскания в области подражательных слов необходимы и представляют большой лингвистический

* Порядок алфавита начали указывать в словаре только с VI вып.

интерес. Прежде всего подражательными словами особенно богаты языки на ранних стадиях своего развития, до появления строго отвлеченного мышления, языки примитивного строя. Далее, в строении подражательных слов наблюдается известная закономерность, например, наличие звука *н* в подражаниях звону металла (чан, танн...), наличие звука *л* в подражании световым явлениям (ял, йялт, йялтър-ялтър... и. т. д.) Например, чувашская мимема *панн*, — пишет Н. И. Ашмарин, — обозначает звук, получающийся при разрыве туго натянутой проволоки: хытӑ карӑ пралук татӑлса кайрӑ те, панн! няйраса кайрӑ; а если проволока потоньше, то уже слышится *пӑнн*: синсереххи пӑнн! няйраса каять. Если бы звук при разрыве проволоки не сопровождался резонансом, то в первом случае сказали бы „пант“, а во втором „пӑнт“. (Морф. катег. подр., стр. 9). В каждом языке имеется небольшая группа слов, обязанная своим происхождением подражательным словам: ср. чув. куккук, чӗпчӗм, русск. кукушка, пигалица и др. Вообще подражательные слова представляют интересную тему для лингвиста, но Н. И. Ашмарин несколько уклонился от правильного пути исследования. Увлечение его подражательными словами объясняется тем, что он хотел воскресить давно схороненную в науке звукоподражательную теорию происхождения языка. Ему хотелось доказать, что все слова в любом языке произошли от подражательных слов. „Нужно полагать, — пишет он, — что многие слова в современных нам и древних языках не могут найти себе объяснение в подражании только по той причине, что мы не знаем их первоначального значения и нам неизвестно, какая сторона или какое свойство того или другого предмета вызвало в языке к жизни мимему, сделавшуюся впоследствии его постоянным названием. Кроме того многие вещи издавна являются не собственными, а метафорическими обозначениями предметов, и утеря словом его собственного значения в языке может сделать отыскание его первоначального смысла невозможным...“*. Отсюда вполне понятно, что, по мнению Ашмарина, не только чувашское лап, лаптак, кӑштӑрка, шӑн, но и немецкое Schlange — змея и латинское plumbum — свинец произошли из подражательных слов... Он и в своем докладе на

* О морфологических категориях подражаний, стр. 140.

первом всесоюзном тюркологическом съезде в Баку выражал сильное сожаление о том, что „не изучен и почти совершенно обойден исследователями древний пратюркский элемент в языке, заключающийся в подражательных словах. Необходимо было тщательно собрать эти древние словообразования: они помогут нам довести наши исследования до очень отдаленной эпохи, когда слова еще являлись прямыми отражениями и выражениями настроений и подражательных стремлений, а не условными символами...“ (Первый тюркологический съезд. 1926 г. Стр. 145—146).

Такая отсталая теория, выдвинутая еще в XVIII в., давно отвергнутая в науке и в корне противоречащая марксистской теории происхождения языка и всему тому, что твердо установлено было акад. Марром в новом учении о языке, составляет отрицательную сторону научной деятельности Ашмарина.

Его мимологические опыты не следует популяризировать, как это имело место в прошлом, при жизни автора, когда даже студенты были вовлечены в эту работу (см. работу студента П. П. Петрова в приложении к книге „О морфологических категориях подражаний“, стр. 153—156). Его мимологические наблюдения, собранные и систематизированные им материалы представляют большой лингвистический интерес для науки, но выводы автора неприемлемы для нас, они несостоятельны, порочны, антинаучны.

Хотя Н. И. Ашмарин представлял собою высокоодаренную личность, но тем не менее и ему, как и всякому человеку, не чужды были некоторые слабости и противоречия. Ввиду того, что он с юных лет впитал в себя отсталые идеи буржуазного языкознания, ему уже на склоне лет трудно было стать на путь проверки своей научной работы с точки зрения марксистско-ленинской теории, трудно было подняться до марксистского понимания закономерностей языка и динамики мышления. Этим только и можно объяснить, почему отстаивал он отсталую звукоподражательную теорию происхождения языка.

6. „Болгары и чуваша“.

В конце 70-х годов прошлого столетия академик А. Куник писал: „Когда я стал себе выяснять прошлое и настоящее положение приволжских народов, особенное

мое внимание обратили на себе остатки чувашей (в губ. Казанской, Симбирской и др.), и я скоро пришел к убеждению, что в чувашах мы имеем остаток одной группы старо-тюрков, которые, еще задолго до вторжения татар, поселились в местности, ныне обитаемой чувашами (среди волжских финнов). Чем более я вдумывался в отношение чувашей к вымершим камским болгарам, тем более убеждался, что в чувашах мы встречаем если не остатки так называемых белых или серебряных болгар (камских болгар), то все же одну из тюркских отраслей, к которой принадлежали и жители болгарского ханства в среднем Поволжье, а также убеждался в том, что когда-нибудь при помощи чувашского языка, равно как при пособии встречающихся еще и до настоящего времени в земле чувашей собственных и топографических названий, ученые внесут свет в область изучения древне-тюркского элемента, замечаемого у хакано-болгар на Дунае, у черных болгар на Кубани, у хазар и у других незначительных тюркских племен, известных нам почти только по одним русским летописям**.

Ожидания академика Куника блестяще оправдались при его же жизни, на закате его дней (1814—1903) с появлением весьма обстоятельной работы Н. И. Ашмарина „Болгары и чуваша“***. Работа эта представляет собою систематизацию материалов, относящихся к вопросу о племенных и лингвистических отношениях древних болгар к современным чувашам. Она носит итоговый характер: здесь автор обобщает все высказанное по данному вопросу его предшественниками. „Я решил,— пишет он,—составить небольшой обзор тех сведений, какие представляет нам литература о Волжской Болгарии, дополнив их некоторыми новыми соображениями, вытекающими из рассмотрения имеющихся в нашем распоряжении лингвистических данных“ (Стр. 3). И действительно, Н. И. Ашмарин в этом исследовании рядом новых лингвистических и исторических данных окончательно обосновал болгарскую теорию происхождения чуваш. В настоящее время считается уже окончательно

* О родстве хакано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому именнику. Записки Академии Наук за 1879 г. т. XXXII. Приложение 2, стр. 118, 120—121.

*** Отдельный оттиск из XVIII тома журнала „Известия общества археологии, истории и этнографии“. Казань. 1902.

доказанным, что чувашский язык является потомком языка древних Волжско-Камских болгар или, по крайней мере, их можно считать отдельными диалектами одного и того же языка.

О языке древних болгар нам приходится судить по весьма скудным данным. Из этих данных Ашмарин рассматривает: 1) слова, оставшиеся от языка гуннов; 2) некоторые наименования, сохранившиеся от древних дунайских болгар; 3) имена болгарских каганов, переданные нам греческими авторами и сохранившиеся в болгарском именнике; 4) редкие болгарские слова, встречающиеся в русских летописях и у арабских писателей и 5) надгробные надписи (эпитафии).

Гунские слова *Вар*—название реки Днепра (тюрк. Озу, үзү), *Аттила*—имя гунского вождя, и *Керка*—имя его жены, Ашмарин сближает с чувашскими словами: вар—овраг, долина, Атӑл—Волга, Хёркке—языческое женское имя (ласкательно-уменьшительная форма от хёр—девушка).

Русские летописи высшее сословие болгар, болгарскую знать называют „трунове“. Слово это напоминает Н. И. Ашмарину названия чувашских селений Тӑрӑн, Тӑрӑм (Торон, Тором), стр. 17. Магьярский ученый Мункачи в 1903 г. в своей статье *A volgai bolgárokról* (*Ethnographia* XIV, 66—76; 147—152; 261—265), разбирая книгу Ашмарина „Болгары и чуваш“, распространяет сравнение слов *турун*, *Тӑрӑм* далее. Слова *трунове* русских летописей он сопоставляет с тюркским словом *tudun* и приходит к тому этнологическому выводу, что нынешние чуваш представляют собою смесь черноволосых тюрков с белокурыми финнами и отношение между чувашским и древнеболгарским языком такое же, как между древним латинским и нынешними романскими языками.

Позднее, в 1918 г., академик А. А. Шахматов, не зная об указанной статье Мункачи, снова возвращается к вопросу о родстве болгар и чуваш. В своей статье „Заметка о языке волжских болгар“ слово *турунове*, *тӑрун*, *турун*, встречающееся в русских летописях под 1230 г., сближает он с тюркским словом „тудун“, засвидетельствованным в языке древних тюрков, аваров и хазар. По мнению Шахматова, наличие в языке волжских болгар произношения „турун“, вместо тюркского „тудун“, может служить подтверждением мнению, что чувашский язык—преемник языка волжских болгар.

«Сборник музея антропологии и этнографии при Академии Наук, V, вып. I, 395—397 стр.).

Анализ отдельных слов, сохранившихся от древних дунайских болгар и анализ имен болгарских каганов, содержащихся в известном болгарском именнике, дает слишком мало материалов для сближения и сопоставления их с чувашскими словами. Ашмарину приходится в данном случае прибегать к большим натяжкам и мало вероятным предположениям, а потому мы оставляем их в стороне.

Наиболее же важными и ценными памятниками древнеболгарского языка нужно считать надгробные надписи, относящиеся к 1297—1357 гг. Все они написаны на арабском языке и в большинстве случаев содержат изречения из Корана. При этом среди арабского текста встречаются неарабские слова, означающие хронологические даты и личные имена. Дешифровка неарабских слов и обнаружила в них чувашские элементы. Разбором болгарских надгробных надписей занимались многие ученые: Юлий Клапрот,* И. Н. Березин,** Н. И. Ильминский,*** Н. Ахмаров**** и др. На присутствие чувашских слов в этих надписях впервые указал Хусейн Фейзханов в 1863 г. в статье „Три надгробных болгарских надписи“.***** До него в чувашских числительных *zlat zig*—*сич сёр* (семьсот) усматривали (напр. Березин) арабские слова и переводили их как „пришествие угнетения“ и к оправданию этого названия строились разные гипотезы. „Под фразой „пришествие угнетения“,—читаем мы в книге „Булгар на Волге“,—только и можно понимать нашествие какого-нибудь завоевателя. Сложив буквы анаграммы *zlati zig* по численному их значению мы получим 623-й год гиджры или 1226 г. нашего летосчисления. Этот год ясно указывает на нашествие монголов“... (стр. 61)

* J. Klaproth. *Notiae et explication des inscription de Bolghari*. Nouveau Journal Asiatique. 1831, VIII pp. 483—503.

** Булгар на Волге. Ученые Записки Казанского Университета за 1852 г., кн. III, стр. 74.—160 и отдельное изд. 1853 г.

*** О фонетических отношениях между чувашским и тюркским языками. Известия археологич. об-ва. т. V, стр. 80—84. СПб. 1865.

**** Рукописный отчет о поездке с археологической целью в разные уезды Казанской губернии. 1894. Ср. также (Болгарская история) Казань. 1909.

***** Известия археологического общества за 1863 г. СПб т. IV. Стр. 395.

Н. И. Ашмарин вновь пересмотрел все разобранные до него могильные надписи и в результате тщательного обзора их обнаружил здесь следующие чувашские слова (стр. 103):

Транскрипция надписей*	Предполагаемое произношение	Теперешнее чув. произношение	Значение слов
zâl	сял, сёл	сул, сол	год
aih	айăх	уйăх, ойăх	месяц
kun, kon	кĕан, кун	кун, кон	день
ul	ул	ывăл, ул	сын
hir	хир	хёр	дочь
ĕeluk	пăлик	палкă	знак
Timrâz	Тимрăс	тимёрёс	языч. имя
zur	сёр	сёр	сто
ziat	сиăли	сиччĕ	семь
zirem	сирим	сирём	двадцать
thr	тоһор	тăххăр, тоххор	девять
van, wan	ван	вун, воннă, вон	десять
sakt	сăкир	саккăр, сакăр	восемь
tüädim	түăдим	тăватăм	четвертый
iñl-im	пиăлим	пиллĕкĕм(ĕш)	пятый
ziärmens	сиăрминш	сирёмĕш	двадцатый

В рассматриваемой книге „Болгары и чуваши“ самому Ашмарину принадлежит разбор одной только надгробной надписи, уцелевшей на камне в селе Байглычево (в 60 км. от г. Тетюши). Позднее разобраны были им еще несколько надгробных надписей, и результаты опубликованы в журналах под заглавиями: „Об одном мусульманском могильном камне в загородном архиерейском доме в Казани. Казань. 1905, 21 стр.“** и „Болгарские надписи, найденные около села Тукмакла“***

В первой статье он приходит к следующему выводу: „Повидимому, в XIII в. (памятник датируется 1297 г.) в окрестностях Казани существовало культурное население, говорившее на языке, близком к языку нынешних чуваш“. Разобранные во второй статье памятники датируются 1347—1348 и 1357 годами. Здесь между прочим встречаются чувашские слова: *ул*, нынешнее *ывăл*, диал. *ул* — сын, *herh sakr* — *хёрĕх сакăр* — сорок восемь и др.

* За неимением арабского шрифта слова даны в латинской транскрипции, но некоторых знаков не оказалось.

**Отдельный оттиск из 21 т. „Известия об-ва истории, археологии и этнографии“, стр. 92—112.

*** „Изв. об-ва обследования и изуч. Азербайджана“. 1928. № 4, стр. 16—21.

К рассматриваемой же серии статей относится и небольшая статья профессора Н. И. Ашмарина, опубликованная им в 1923 г. в XXXII томе журнала „Известия общества археологии, истории и этнографии“ под заглавием „Несколько слов о труде J. J. Mikkoла. Хронология дунайских болгар“ (стр. 227—237). Здесь он вносит свои поправки к объяснению финского ученого Микколя некоторых слов болгарского именника, как *текучимем*, *верениалем*, *тивирем* и др. Так как слова болгарского именника, как эти, так и рассматриваемые Ашмариным в книге „Болгары и чувашии“, подверглись сильному искажению, то анализ их, как выше было замечено, не дает убедительных доводов в пользу болгарской теории происхождения чуваш. Как объяснение Микколя, так и предполагаемые Ашмариным поправки одинаково мало приближают нас к истине.

После Н. И. Ашмарина болгарские надписи вновь пересмотрены были профессором Казанского Государственного Университета Н. Ф. Катановым. В опубликованной им в 1920 году брошюре „Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках“. Казань, 13 стр. он, вопреки общепринятому чтению арабской буквы алиф за „а“, предлагает читать ее за „о“. „Так как во всех надписях Поволжья,—пишет он,—звук *о* на персидский лад передается через знак *алиф*, то последовательнее было бы транскрибировать так: *zal* через *сол* и *kip* *кон*... В заключение следует заметить,—прибавляет он,—что диалект надписей есть *окающий* а не *укающий* (*сол*, *кон*, *вон*, *ойах*, *олттй*, *тоххйр*, *вотор*), тот самый диалект, которым говорят ныне коренные чуваша уездов Курмышского, Козмодемьянского, Ядринского, Чебоксарского“... (стр. 7, 13).

Таким образом, болгарская теория происхождения чуваш, впервые высказанная еще в первой половине XVIII в. Татищевым в его „Истории Российской“* и решительно поддержанная Хусеином Фейзхановым, особенно А. Ф. Лихачевым на втором археологическом съезде

* См. В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен. I. Москва. 1768, (Рукопись автором была приготовлена к печати еще в 1739 г.). Здесь он пишет: „Болгары вольские были рода и языка сарматского, что нам оставшее их поселянство Чуваша удостоверяют“ (стр. 458). „Вниз по р. Волге чуваша, древние болгары, наполняли весь уезд Казанской и Синбирской“ (317).

в Петербурге (Ленинграде) в 1871 г. в его докладе „Бытовые памятники Великой Булгарии“*—после исследовательско-обобщительных работ проф. Ашмарина становится в науке неоспоримой истиной. Неоспоримость этой истины в последнее время авторитетно подтвердил и академик Н. Я. Марр. Последний, исходя из данных нового учения о языке (яфетического языкознания), решительно заявляет, что „в средние века чуваша выступают активными участниками и творцами двух известных восточно-европейских национальных образований—хазарского и болгарского. Чуваша, несомненно, народность одного круга с хазарской и болгарской, с последней из которых они имеют непосредственные связи и исторические и этнические в такой мере, что вопрос об их отождествлении может быть поставлен совершенно всерьез научно. Болгарская общественность, средневековая болгарская культура, болгарское царство было делом рук чувашского народа“. **.

Также и академик Н.С. Державин в своей последней работе „История Булгарии“ I, 1945 приходит к выводу, что болгары—это союз племен, по своему происхождению они принадлежат к древнейшим доиндоевропейским народам на территории Восточной Европы, образуя собою народ одного круга с чувашами, сарматами, хорватами и хазарами, наиболее родственный этнографически с чувашами“ (стр. 181).

7. Другие работы Н. И. Ашмарина.

Рассмотренными работами почти исчерпываются исследовательские работы Николая Ивановича по чувашскому языку. Сюда можно прибавить еще небольшой очерк „Отголоски золотоордынской старины в народных веро-

* Труды 2-го археологического съезда, вып. I отд. II, стр. 1—50. 1876. В них мы читаем: „Язык, на котором говорили булгары, был тюркского корня и все заставляет полагать, что он сам был корнем теперешнего чувашского диалекта, ибо немногие дошедшие до нас слова этого языка могут быть объясняемы только с помощью одного лишь чувашского идиома. Этот факт наводит на мысль, что в отдаленной древности и самые чуваша говорили болгарским языком, из которого с течением времени выработался нынешний чувашский язык, и вместе с тем служит важным доказательством в пользу мнения, что теперешние чуваша более всех других инородцев, живущих в Казанск. губ., имеют права на то, чтобы быть признанными прямыми потомками древних булгаров“ (стр. 2—3, 7, 39).

** Чуваша-яфетиды на Волге. Чебоксары, 1926, стр. 65.

вагиях чуваш". Казань. 1921. 36 стр. * В этой работе он указывает, что некоторые чувашские божества возникли под влиянием общественно-административного строя Золотой орды (повидимому, этот строй был продолжением того же строя Волжско-Камской Болгарии). Например, в языческих молитвословиях чуваш мы находим обращения к следующим божествам: *тăвам ыра*—добрый дух, заседающий в палате (диване), т. е. в государственном учреждении, в судебном трибунале (ср. в ярлыках золотоордынских ханов, *диван битикчилари*—писцы дивана), *тăвам сўретекен*—дух, ведущий дела дивана, *мăн торра алăк ошакан*—отворяющий двери жилища божия, *пўлхсє алăк ошакан*—отворяющий двери богу *пўлхсє*, *чѣлпѣр тытан ыра*, *чѣлпѣр тытса сўрен ыра*—дух держащий повод, дух, ведущий за повод (лошадь того или иного бога). Последние названия явно заимствованы из торжественно обставленных выездов хана. Или еще: *хум кѣрекесѣ*—кравчий хана и т. д. Вообще чуваш в период татарского владычества (повидимому, и раньше, в период болгарского ханства) представляли своих богов в виде важного хана и чиновников, окружающих его, сопровождающих и прислуживающих ему (см. также статью В. Вишневского „О религиозных поверьях чуваш“ в „Казанских губ. ведомостях“ за 1846 г. №№ 23—25).

Из других работ Ашмарина можно назвать еще следующие: 1) Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской. Казань. 1900. 91 стр. (Отдельный оттиск из XVI т. Изв. Общ. археологии, истории и этнографии). В этом сборнике содержится 198 песен, записанных на наречиях *вирьял* и *анатри*. Венгерский ученый Мункачи в своей рецензии (в журнале *Keleti Szemle* II, 153—154. 1901) с сожалением отмечает, что из-за несовершенства чувашской графики этот материал не может быть использован иностранными учеными в лингвистических целях.

2) „Ваттисем калань сăмахсем“ (Сборник чувашских пословиц), Чебоксары, 1925. 56 стр. В сборнике содержится 1307 пословиц с переводом на русский язык. К сожалению, собиратель не указал, где каждая из них записана, отчего и самый сборник теряет частично свое научное значение при изучении чувашского языка.

* Отдельный оттиск из II-го тома „Известия Северо-Восточного археологического и этнографического Института“.

8. Труды Н. И. Ашмарина по другим тюркским языкам.

Согласно нашей теме мы обрисовали проф. Н. И. Ашмарина только с одной стороны—исключительно как крупного представителя чувашского языкознания. Научная деятельность его не ограничивалась одним чувашским языком, он много работал и в области других тюркских языков. Его перу принадлежат, например, следующие научно-исследовательские работы из области тюркологии:

1) Очерк литературной деятельности казанских татар-мохаммедан за 1880—1895 гг. (Дипломная работа). Труды Лазаревского Института восточных языков, вып. IV. Москва. 1901.

2) Несколько слов о современной литературе казанских татар. Журнал Министерства Народного Просвещения за 1905 г., отд. 3, стр. 1—32.

3) К вопросу о расположении частей предложения в татарском языке. Вестник научного общества татароведения № 7, стр. 103—106. Казань. 1927.

4) Общий обзор народных тюркских говоров г. Нухи. Баку. 1926.

5) Кое-что о прошлом тюркологии и ее настоящем состоянии. Первый Всесоюзный тюркологический съезд. Баку. 1926, стр. 142—146.

6) Заметки по сравнительной грамматике тюркских наречий (издана на стеклографе). Казань, 1928.

III. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. И. АШМАРИНА.

С научной работой Н. И. Ашмарин соединял также и педагогическую работу. Он более 20 лет преподавал в средней школе и около 15 лет в вузах. Как педагог, он оставил в своих слушателях благодарное воспоминание. Его уроки по географии в учительской семинарии и лекции по чувашскому и тюркским языкам в вузах всегда были интересны, полноценны, отличались богатством содержания. Он прекрасно знал преподаваемый предмет и занимался им с увлечением. Затронутая на лекции тема освещалась им с исчерпывающей полнотой. Слушатели его с большим интересом и вниманием относились к его урокам и лекциям. Николай Иванович в своих лекциях старался прививать учащимся любовь к труду и интерес к научной работе.

Его настойчивость и упорство в труде всегда поражали всех. Он мог работать при любых обстоятельствах. В научной работе он находил себе полное удовлетворение. Вот пример, достойный подражания для наших студентов и молодых научных работников!

IV. ОТНОШЕНИЕ К Н. И. АШМАРИНУ СВОИХ И ЗАГРАНИЧНЫХ УЧЕНЫХ.

Рассмотрение научной деятельности Н. И. Ашмарина приводит нас к заключению, что он является крупнейшим представителем чувашского языкознания. Своими глубокими и ценными исследованиями в области чувашского языка он сразу обратил на себя внимание тюркологов как у себя в Союзе, так и за границей. Имя его, можно сказать, вошло в мировую литературу. Все ученые в один голос повторяют теперь, что Ашмарин — выдающийся исследователь чувашского языка. Известный финский монголист и тюрколог Рамстедт прямо заявляет: „Так говорит выдающийся исследователь и знаток чувашского языка Ашмарин“. (So sagt der ausgezeichnete Erforscher und Kenner der Tschuwassischen Aschmarin).^{*} Почти то же самое мы слышим и из уст мадьярского ученого Месароша, который также категорически утверждает, что a csuvas nyelv alapos ismerője Asmarin.^{**} Ученые-тюркологи и ученые финно-угорского языкознания в своих научных изысканиях, когда попутно касаются чувашского языка, то опираются главным образом на богатый фактический материал, данный в трудах Н. И. Ашмарина. Ср. также указанные выше отзывы члена венгерской Академии Наук Мункачи о работе Ашмарина „Болгары и чуваша“, французского лингвиста Готье и финского ученого Рясенена о слове его.

Наши ученые всегда проявляли к трудам Николая Ивановича живейший интерес. Принимая во внимание крупные научные заслуги его, совет Азербайджанского Университета в 1925 г. присвоил ему высшую ученую степень доктора тюркологии без защиты диссертации.

^{*} Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen. Journal de la Soc. F.-Ougr. 38, S. 3. 1922—23.

^{**} G. Mészáros, Csuvas népköltési gyűjtemény I. 1909, s. VIII.

И до революции он пользовался вниманием наших тюркологов. Так как он тогда занимал скромное положение наставника Казанской учительской семинарии и цензора татарских изданий, то академик Радлов всячески старался устроить его в Казанском университете, где Николай Иванович мог бы шире развернуть свою научную работу по чувашскому и тюркскому языкознанию. В этом направлении в 1916 году Радлов вел переговоры с Министерством народного просвещения и добился его согласия. Дело стояло только за решением историко-филологического факультета. Чтобы удачнее провести это начинание на факультете, Радлов обращается к профессору В. А. Богородицкому с письмом от 2/XI—1916 года следующего содержания:

„Многоуважаемый Василий Алексеевич.

Обращаюсь к Вам, как к старому другу, со следующей просьбой:

Академия Наук в настоящее время озабочена изданием обширных материалов по чувашскому языку, собранных Н. И. Ашмариним. Ознакомившись с этими материалами, имеющими большую важность для тюркологии, я пришел к заключению, что материалы, собранные г. Ашмариним, могут быть наиболее производительно использованы и дальнейшие его исследования наиболее успешно продолжены, если г. Ашмарин будет жить в Казани в близком общении с изучаемым им народом и если он будет поставлен в такое положение, что у него будет достаточно досуга, чтобы всецело посвятить себя обработке и расширению своего материала. Лучшим исходом было бы, если бы он мог получить место преподавателя чувашского и татарского языков в Университете. По этому поводу я вел переговоры с Министерством народного просвещения и получил уверение в том, что если Совет университета возбудит ходатайство о введении такого предмета преподавания, Министерство ассигнуёт на это из своих средств необходимую сумму, не обременяя средств Университета. Остановился я на этом не ради г. Ашмарина, а в интересах изучения живого языка чувашей, которые насчитывают до миллиона душ, уже не говоря о многомиллионном татарском народе.

Вот я и обращаюсь к Вам с просьбой поставить этот вопрос на факультете, где, я надеюсь, при Вашем авторитете и энергии Вы легко это проведете. Не сомне-

ваюсь, что факультет оценит Ваши доводы о научной важности введения преподавания этих языков, особенно чувашского, который представляет интерес не только сам по себе, но как важный источник для целого ряда сравнительно-исторических и лингвистических проблем. Естественным и единственным кандидатом на занятие этой должности является наставник Казанской учительской семинарии Н. И. Ашмарин, нынешняя должность которого крайне неблагоприятна для серьезных научных занятий.

Искренне преданный Вам *В. РАДЛОВ*.*

Ставился ли этот вопрос на факультете и какое решение последовало, нам неизвестно.

В. ОТНОШЕНИЕ к Н. И. АШМАРИНУ ЧУВАШСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ.

Н. И. Ашмарин сам призывается (см. латинское предисловие к I выпуску словаря. 1910 г.), что научными достоинствами своих трудов во многом он обязан чувашской интеллигенции, которая в лице И. Я. Яковлева, И. Н. Юркина, Ф. Н. Никифорова, в лице учителей, воспитанников и воспитанниц Ульяновской учительской школы и Казанской учительской семинарии, позднее, прибавим мы, и студентов Ульяновского практического института народного образования и Чувашского отделения Казанского восточно-педагогического института усиленно и весьма охотно собирала и доставляла ему нужные материалы: песни, сказки, загадки, пословицы, частушки, легенды и предания, молитвы, описания разных обрядов и поверий, языческих жертвоприношений, отдельных говоров и проч. и проч. Ашмарин со всех концов, где только ни жили чуваша, получал в свое время корреспонденции чуть не фунтами. Каждый сознательный чувашин считал своим долгом собирать и доставлять ему нужный языковой и фольклорный материал. Ашмарину оставалось только проверять, несколько согласовать друг с другом присланные материалы и в той или иной форме использовать их. Например, указанные выше книги его „Сборник чувашских песен“ и „Сборник чувашских

* См. переписку проф. В. А. Богородицкого в Казани в архиве А. П. Мироносицкой.

пословиц⁴ составлены из готовых поступлений, словарная статья „Анятри чăваш“ в объеме 10 стр. (1, 217—226) целиком принадлежит учителю П. И. Орлову, описания плуга и мельницы доставлены ему сельскими учителями. И указанные выше в словаре его необъясненные инициалы и условные знаки представляют собою или инициалы сотен его корреспондентов или сокращенные названия селений, откуда он получал материалы.

Партия и Правительство Чувашской республики также относились к Николаю Ивановичу неизменно доброжелательно и чутко. В голодный год (1921—1922) ему оказали крупную материальную помощь, благодаря чему он этот год провел без лишений и нужды.

Чувашская общественность достойным образом оценила выдающиеся заслуги Николая Ивановича Ашмарина как чувашеоведа. Вторым всечувашским съездом советов в марте 1927 года он был избран в члены Центрального Исполнительного Комитета Чувашской республики. Далее, по представлению Чувашского Наркомпроса и Чувашского отделения Казанского педагогического института Всесоюзная Академия Наук избрала его в свои члены-корреспонденты, в каковом звании он оставался до самой смерти.

VI. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА Н. И. АШМАРИНА.

Николай Иванович Ашмарин принадлежит к числу таких ученых, которые не только сами оставляют заметный след в истории науки, но и продолжают начатую работу через своих учеников. В бытность свою профессором Северо-восточного археологического института, Чувашского практического института народного образования и Чувашского отделения Восточно-педагогического института ему удалось сгруппировать вокруг себя слушателей, наиболее интересующихся научными проблемами и готовыми посвятить себя научной работе. Продолжателями его дела и является эта, можно сказать, „лингвистическая школа Н. И. Ашмарина“. Получив от своего учителя приличную научную зарядку, ученики с успехом продолжают дело учителя. Из них в первую очередь можно назвать имена М. С. Сергеева и И. К. Куприянова, оба работали в Чувашском государственном педагогическом институте и подготовили было кандидатские диссертации, но, мобилизованные в Советскую

Армию на защиту Родины, оба героически пали на фронте, не успев защитить свои диссертации. В настоящее время из учеников Николая Ивановича продуктивно работают в Чув. педагогическом институте С. П. Горский, кандидат филологических наук (собирает материалы для докторской диссертации); Н. А. Резюков и Н. С. Павлов, старшие преподаватели, заканчивают свои кандидатские диссертации. Кроме того, Н. А. Резюков подготовил к печати большинство томов указанного словаря своего учителя. А. И. Васильев работает в Чувашском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории, имеет несколько законченных научно-исследовательских работ в рукописи.

VII. НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО Н. И. АШМАРИНА И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ.

Николай Иванович оставил нам большое научное наследство, но, к сожалению, в большей своей части оно продолжает оставаться мертвым капиталом. Нет сомнения, что труды его имели большое значение в языковом строительстве Чувашии. Учебники чувашского языка для средней школы составлялись исключительно на основе трудов Ашмарина и академика Н. Я. Марра. В этих трудах авторы учебников находят обильный материал по всем разделам программы и общие установки. Фольклорные материалы, щедро рассыпанные в работах Николая Ивановича, также в той или иной степени используются нашими фольклористами и писателями. Словарь же его давно стал настольной книгой каждого интеллигентного работника Чувашской республики. Несмотря на непрерывно продолжающиеся научные работы его учеников, все же мы до настоящего времени слабо использовали его богатое наследство. В дальнейшем желательно максимально использовать его. Например, Чувашский педагогический и Научно-исследовательский институты могли бы разработать следующие темы:

1. Значение Н. И. Ашмарина в истории научной разработки чувашского языка.
2. Значение предшественников Ашмарина в истории разработки чувашского языка.
3. Составление словаря синонимов чувашского языка на основании „Словаря чувашского языка“ Ашмарина.

4. Особенности говора Красночетайского района на основании словаря и других работ Н. И. Ашмарина.

5. Особенности чувашских говоров прилегающих к городу Буинску районов на основании трудов Ашмарина.

6. Особенности чувашских говоров Сундырского района на основании трудов Ашмарина.

7. Чувашский фольклор в трудах Ашмарина.

8. Чувашская старинная техническая терминология в словаре Ашмарина.

9. Чувашская топонимика в трудах Ашмарина.

10. Этимология чувашских слов в трудах Ашмарина.

11. Архаизмы чувашского языка в словаре Ашмарина.

12. Труды Ашмарина с точки зрения современной тюркологической науки.

13. Труды Ашмарины в свете нового учения о языке и с точки зрения марксистско-ленинской методологии и т. д. и т. д.

Вообще труды Н. И. Ашмарина должны служить предметом исключительного внимания со стороны нашего студенчества и молодых научных работников.

Трудящиеся советской Чувашии высоко чтят память Н. И. Ашмарина—одного из замечательных деятелей культуры чувашского народа, одного из лучших сынов русского народа, посветившего значительную долю своего богатого дарования чувашскому народу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр
Введение	5
I. Биографические сведения о Н. И. Ашмарине	6
II. Научные труды Ашмарина	
1. Очерк народной поэзии у чуваш	6
2. Материалы для исследования чувашского языка	8
Фонетика чувашского языка	8
Морфология чувашского языка	9
Разработка фонетики и морфологии чувашского языка у предшественников Ашмарина	10
Некоторые замечания о "Материалах" Н. И. Ашмарина	12
Н. И. Ашмарин как диалектолог	16
3. Опыт исследования чувашского синтаксиса	17
4. Словарь чувашского языка	20
Некоторые недочеты в словаре Ашмарина	25
5. Труды по чувашской мимологии	27
6. Болгары и чуваш	29
7. Другие работы Н. И. Ашмарина	35
8. Труды Н. И. Ашмарина по другим тюркским языкам	37
III. Педагогическая деятельность Н. И. Ашмарина	37
IV. Отношение к Н. И. Ашмарину своих и зарубежных ученых	38
V. Отношение к Н. И. Ашмарину чувашской общественности	40
VI. Лингвистическая школа Н. И. Ашмарина	41
VII. Научное наследство Н. И. Ашмарина и его использование . . .	42

Редактор А. Иванов.

Техн. редактор М. Тимофеева.

НТ 00110. Подписано к печати 4/V 1948 г. Объем 2,75 печ. лист.
Заказ № 558. Тираж 3000 экз.

Типография № 1 Управления полиграфпромышленности
при Совете Министров Чувашской АССР

Гор. Чебоксары, ул. Володарского 5, Дом печати.

Цена 2 руб. 50 коп.